

УДК 811:161.1'373.47:316.624.3-053.6:004.738.5

**СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТА
МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СЕМАНТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА. ЧАСТЬ II****Бочаров Алексей Владимирович¹,**
bav346@rambler.ru**Мещерякова Эмма Ивановна¹,**
mei22@Mil.ru**Орлова Вера Вениаминовна²,**
orlova_vv@mail.ru¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36.² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40.

Бочаров Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

Мещерякова Эмма Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры генетической и клинической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Орлова Вера Вениаминовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Статья посвящена проблематике психологии молодежного экстремизма в современном обществе и является продолжением авторской аналитики по этой проблеме. Объектом исследования выступает концепт молодежного экстремизма, предметом – его структурно-содержательные характеристики. Цель – определение и систематизация структурно-содержательных характеристик концепта молодежного экстремизма, отраженных на русскоязычных интернет-ресурсах, доступных для индексации поисковиками. Представляемая исследовательская модель характеризуется междисциплинарным подходом, заключающимся в продуктивной эклектике взаимопроникновения и взаимосогласования постулатов-априорий различных дисциплинарных моделей – общепсихологической теории субъектности и теории личности, культурологических и языковых моделей. Методика исследования заключается в частотно-тематическом анализе сопряженности термина «экстремизм» с результатами дискурсивных практик, представленными в Рунете. Представлены результаты проведенного анализа эмоционально-аксиологических смысловых концептов в контексте отображения молодежного экстремизма в информационном поле Рунета. В результате психолингвистического эксперимента по анализу дискурсивных практик молодежного экстремизма было выявлено 14 аксиологических (оценочных) оппозиций, раскрытых в виде смысловых концептов, которые позволяют отобразить культурно-идеологический фон интерпретаций экстремизма различными акторами. Через анализ дискурсивных практик опосредованно обнаружены тенденции, детерминанты и факторы формирования экстремистских установок молодежи. Результаты могут служить основой разработки социально-психологических и образовательных средств противодействия молодежному экстремизму в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий.

Ключевые слова: Молодежный экстремизм, конструкт-концепт, семантическое пространство, Интернет, дискурсивные практики.

Статья является продолжением дискуссии, начатой в предыдущем номере журнала о структурно-содержательных характеристиках концепта молодежного экстремизма в семантическом пространстве Интернета [1]. В статье рассматриваются 14 оппозиций, позволяющих раскрыть существующие сегодня эмоционально-аксиологические смысловые концепты в контексте отображения молодежного экстремизма в информационном поле Интернета.

Научное изучение молодежного экстремизма в России началось около 15 лет назад. В этом процессе участвуют представители всех социальных и гуманитарных наук. Во всех центральных и региональных вузах ежегодно проводятся конференции и публикуются статьи по данной проблематике. Начали вводиться специализированные учебные курсы и издаваться соответствующие учебные пособия. Существует и критика исследования процессов молодежного экстремизма как квазинаучных (в основном, со стороны эмигрировавших из России специалистов). Лавинообразный рост количества русскоязычных текстов по тематике экстремизма, использование концепта «экстремизм» для оценки и осмысления самых разных явлений политической, социальной и культурной жизни, наконец, разработка научных методик специально для анализа данного концепта в разных его проявлениях говорят о возникновении нового масштабного культурного и социально-психологического феномена. Этот феномен, безусловно, достоин разработки и апробирования различных исследовательских моделей для его понимания [2, 3].

В представляемом исследовании эмоционально-мотивационную и аксиологическо-интенциональную модель анализа современного молодежного экстремизма как социокультурного явления предлагается структурировать с учетом субъект-объектных отношений. Обнаруживается несколько видов акторов, являющихся в зависимости от контекста либо субъектом, либо объектом отношений: 1) экстремисты; 2) жертвы экстремизма; 3) правоохранительные органы, борющиеся с экстремизмом с опорой юридические законы; 4) научное экспертное сообщество, изучающее закономерности экстремизма с опорой на научные теории и методы; 5) журналистское сообщество, реагирующее на запросы со стороны различных акторов в связи с тематикой экстремизма; 6) подростки и молодежь, являющиеся потенциальными участниками экстремистских сообществ и акций; 7) родители, влияющие на склонности и потребности подростков, подверженных влиянию экстремизма; 8) образовательные учреждения, воздействующие на молодежь в связи с проблематикой экстремизма; 9) законодательные органы и государственная власть, издающие законы, касающиеся экстремизма [1, 4–10].

Задачами исследования являются выявление и систематизация данных об изменениях в восприятии концепта молодежного экстремизма, отраженных на русскоязычных интернет-ресурсах, доступных для индексации поисковиками. Содержательный анализ инвариантов и количественный анализ вариантов общедоступных русскоязычных текстов в информационном поле Интернета позволит отобразить культурно-идеологический фон интерпретаций экстремизма различными акторами, систематизировать дискурсивные практики речевого описания и смысловых коннотаций феномена экстремизма, выявить социально-психологические паттерны отношения к экстремизму. При этом главное внимание будет уделяться различным аспектам именно молодежного экстремизма.

Наибольшая частотность поисковых результатов (количество web-страниц) обусловлена наиболее устоявшимися ассоциациями, устойчивыми фразами и шаблонными выражениями, сопряженными с тематикой экстремизма. Наименее частотные тематики по статистическим причинам встречаются почти всегда вместе с наиболее частотными в общих тематических комбинациях [11].

Методы исследования

Для учета частотно-тематических системных связей все тематические единицы (семантические ряды) были объединены в бинарные смысловые оппозиции, суммарная частотная последовательность которых обусловили структуру изложения в содержании представляемого исследования. Такой подход позволил осуществить своеобразную инвентаризацию всех основных аспектов и контекстов по проблеме молодежного экстремизма (см. рисунок).

Мотивационно-эмоциональные бинарные оппозиции, упоминаемые в одном контексте с тематикой экстремизма (Motivational-emotional binary opposition, referred to in the same context with the subject of extremism)	Суммарная частота сайтов в Рунете (total frequency of sites in Runet)
угроза\защита (threat\defense)	6 510 000
разочарование\увлеченность (frustration\enthusiasm)	2 839 000
страх\смелость (fear\courage)	2 363 000
ненависть\любовь (hate\love)	2 074 000
отчаяние\надежда (despair\hope)	1 538 000
презрение\уважение (contempt\respect)	1 412 000
пренебрежение\забота (neglect\care)	1 139 000
горе\радость (grief\joy)	1 113 000
предательство\верность (treachery\loyalty)	1 100 000
риск\осторожность (risk\caution)	971 000
зависть\благотворительность (envy\charity)	899 000
расточительность\бережливость (extravagance\thrift)	843 000
месть\прощение (revenge\forgiveness)	687 000
жестокость\жалость (cruelty\pity)	683 000
враждебность\дружественность (hostility\friendliness)	661 000
неблагодарность\благодарность (ingratitude\thanks)	609 800
осуждение\восхваление (condemnation\praise)	547 500
провоцирование\предостережение (provoking\warning)	534 000
гнев\миролюбие (anger\love of peace)	518 900
сдерживание\поощрение (deterrence\encouragement)	512 000
покорность\честолюбие (humility\ambition)	382 000
предвзятость\беспристрастность (bias\impartiality)	375 200
упрямство\уступчивость (stubbornness\pliability)	121 900

Рисунок. Суммарные частоты бинарных оппозиций
Figure. Total frequencies of binary oppositions

Суммарные частоты показаны на рис. 1, где представлены семантические поля для поисковых запросов и частоты для каждой отдельной мотивации, эмоции или оценки даны в соответствующих разделах статьи. Семантическими полями в данном случае являются объединенные дизъюнкцией синонимические ряды, которые вводились в строку поискового запроса Google вместе со словом «экстремизм». Сбор данных осуществлялся в мае 2018 года. Адреса конкретных сайтов нами не указываются по нескольким причинам: 1) web-страниц с упоминанием идентичных фраз и высказываний

по тематике экстремизма сотни тысяч; 2) адреса конкретных страниц могут меняться или исчезать, но их суммарный количественный состав существенно не изменится; 3) актуальный состав поисковой выдачи можно верифицировать по приведенным в статье семантическим полям поискового запроса; 4) во многих случаях, в связи со спецификой рассматриваемых вопросов, публикация ссылок на конкретные адреса предположительно может быть использована во вред авторам сайтов.

1. Оппозиция «угроза/защита». Семантическое поле: (угрожать | угрожал | угроза); количество web-страниц: 1 890 000. Семантическое поле: (защищать | защитил | защитник | защитить | защита | защищаться); количество web-страниц: 4 620 000.

Чувство угрозы и мотивация защиты от угрозы наиболее релевантны тематике экстремизма и встречаются вместе с ней с наибольшей частотой. Смысл понятия «экстремизм» выводится из понятия угрозы. При обобщении угрозы в публикациях обычно используются шаблонные вступительные или заключительные фразы, в которых экстремизм характеризуется как «главная опасность в современном обществе», «глобальная угроза современности», «угроза для жизненно важных интересов личности», «угроза мирной жизни сообществ», «угроза территориальной целостности и национальному суверенитету», «угроза национальной безопасности России», «угроза развитию и безопасности региона», «угроза социальному порядку в школах», «угроза единству общества», «угроза государственности», «угроза основам конституционного строя». При более конкретном указании объекта угрозы упоминаются угроза здоровью свидетелей при расследовании преступлений, связанных с экстремизмом, угрозы студентам отчислением и уголовными делами за экстремизм, угрозы расправой представителям различных религиозных вероисповеданий или этнических групп. В силу своей очевидности концепт «угроза», в отличие от концепта «защита», сам по себе наименее информативен с точки зрения понимания специфических аспектов молодежного экстремизма.

В связи с мотивацией защиты необходимо выделить различные контексты экстремистской тематики с разделением субъектов и объектов защиты. Здесь помимо очевидного и абстрактного мотива «защиты от экстремизма» выделяются более конкретные объекты защиты. При этом субъектом (то есть тем, кто защищает) стандартно выступают государственные и правовые институты и органы.

2. Оппозиция «разочарование/увлеченность». Семантическое поле: (разочарование | разочарованность | разочарованный); количество web-страниц: 929 000. Семантическое поле: (увлечение | увлеченный | воодушевление | восторг | восторженный | очарованность | энтузиазм); количество web-страниц: 1 910 000.

Обращение молодежи к экстремистским идеям часто интерпретируется как выражение разочарования молодых людей, лишенных перспектив. Упоминаются факторы, способствующие росту популярности радикальных течений. Разочарование части населения в официальной идеологии, понимаемой как «казенный патриотизм», разочарование в ожиданиях социальной и экономической защиты со стороны государства после неоправдавшихся завышенных ожиданий на быстрые, легкие и высокие заработки. Одновременно возможен и противоположный объект и источник разочарования – экстремистские идеи и движения сами по себе. Разрыв с экстремистской организацией или сообществом может произойти и без перемены своих радикальных взглядов, но по причине разочарования в достижимости поставленных целей и эффективности используемых средств. Ожидания приключений и преобразований мира не оправдываются. Вместо них человек сталкивается с внутригрупповыми конфликтами и конкуренцией. Вера в существование всемогущих скрытых сил и заговоров, закулисно управляющих историей, мотивирует многих людей всех возрастных групп к поиску и публикации

мнимых подтверждений своим измышлениям. Эта на первый взгляд развлекательно-познавательная деятельность может привести сначала к экстремистским заявлениям, а затем и к прямому подстрекательству к экстремистским действиям. Психологически в конспирологическом мифотворчестве задействована потребность веры в причастность к тайне, недоступной непосвященным. Эта потребность формирует персональный миф о собственной загадочности и таинственности, особой осведомленности и воображаемой влиятельности. Иногда эта потребность из сферы воображения переносится на сферу реальных поступков. С психологической точки зрения в данных тенденциях наблюдается так называемый сдвиг мотива на цель. Сдвиг мотива на цель, по А.Н. Леонтьеву, – это процесс, характеризующийся тем, что изначальный мотив изменяется в ходе выполнения действия, когда исходная деятельность, постепенно начинает наполняться особым (иным) смыслом и в результате этой же деятельностью занимаются по новым мотивам. Психически механизм сдвига мотива на цель представляет собой самоподкрепление на основе действия сочетательных рефлексов [12, 13]. В случае с профилактикой экстремизма исходный мотив безопасности от реальных угроз замещается мотивом имитативной деятельности с целью дополнительно заработка или демонстрации лояльности для сохранения места работы. Изначальная цель реального достижения общественной безопасности сдвигается на самодостаточную цель эксплуатации экстремистской тематики в собственных целях.

3. Оппозиция «страх/смелость». Семантическое поле: (страх | опасаться | бояться | страшиться | боязливый | опасность); количество web-страниц: 2 070 000. Семантическое поле: (смелость | осмелеть | смелый | храбрость); количество web-страниц: 293 000.

Страх также является одним из самых релевантных понятий контексту экстремизма и по смыслу, и по частоте, поскольку общепризнанной первичной целью любых экстремистских действий является запугивание и устрашение. Вторичными, производными целями экстремизма будет уже расшатывание стабильности в обществе и порождение хаоса и паники у населения и власти. Самым показательным случаем, не связанным с физическим ущербом как таковым, являются телефонные угрозы и угрозы в соцсетях. Жестокие действия и жестокие слова, направлены на психологическое подавление личности и шок в обществе. Для проявлений смелости в контексте тематики экстремизма интенции молодежи обычно интерпретируются как способ реализовать свои лидерские качества, принципиальность, силу воли, которые не нашли применения в других сферах. Мотив храбрости используется также при агитации на «борьбу за основы» какой-либо идеологии или религии. Подсознательное неверие в возможность наказания, понимаемое как преодоление страха перед наказанием, сближает экстремистские психологические установки с криминальными.

4. Оппозиция «ненависть\любовь». Семантическое поле: (ненависть | ненавидеть | ненавидели | ненавидящий); количество web-страниц: 1 250 000. Семантическое поле: (любить | любящий | любимый | любил); количество web-страниц: 824 000.

Экстремистские движения определяются через понятие ненависти как организации и группы, разжигающие ненависть, национальную рознь и социальные конфликты в обществе. Превращение любви к «своему» в ненависть к «чужому» – безусловный фактор экстремизма. Граница между активной неприязнью и ненавистью размыта, но она все же легко определяется по частоте и жестокости высказываний и по прецедентам перехода «от слов к делу». Оппозиции любовь–ненависть, терпимость–нетерпимость, уважение–презрение важны для понимания сущностных черт экстремистских психологических установок. Стремление добиваться уважения через насилие и запугивание – это установка, имеющая глубокие исторические корни в арха-

ических племенных войнах и психологические корни в неблагополучных семьях с архаическими методами воспитания. Ненависть к «нерусским» или «русским» в молодежных группировках чаще всего рассматривается специалистами именно в этом контексте. Перенос отношения любви и прощения на самих носителей экстремистских идей ни на одном информационном ресурсе не является приемлемым. В большинстве текстов официальных СМИ по экстремистской тематике наказание и возмездие, ответное запугивание и устрашение принимается как единственный выход. В профилактических мероприятиях по работе с молодежью такой подход также широко распространен. Его эффективность вызывает сомнения. Эти сомнения основаны на социально-психологических зависимостях, которые будут рассмотрены далее.

5. Оппозиция «отчаяние/надежда». Семантическое поле: (отчаяние | безнадежность | отчаявшийся | безысходность); количество web-страниц: 358 000. Семантическое поле: (надеялся | ожидание | ждать | обнадежил | «есть надежда» | «появилась надежда» | «была надежда»); количество web-страниц: 1 180 000.

Экстремистские идеи и действия как реакция на безысходность существования россиян часто упоминается на русскоязычных интернет-ресурсах. Составляющие безысходности включают в себя весь комплекс социально-экономических проблем: ощущение ненужности после многочисленных попыток найти подходящую работу, невозможность обустроить комфортный быт при высоких коммунальных выплатах и низких зарплатах и пенсиях, гнев обманутых дольщиков, отчаяние ипотечных должников, недоступность качественной медицины и незащищенность перед болезнями, незащищенность перед ущемлением прав собственности у разорившихся мелких предпринимателей и пр. Надежды в позитивном смысле в тематике экстремизма упоминается редко на всех информационных ресурсах и в текстах всех жанров. Фразы про «надежду, что мы победим терроризм» носят характер неинформативного журналистского шаблона. Ожидания, упоминаемые в связи с экстремизмом, имеют негативный характер в самых разных контекстах: у студентов плохие ожидания от проверок на экстремизм; у экспертов ожидания роста уголовных дел по «экстремистским» статьям; у родственников подсудимых плохие ожидания от приговора суда; у владельцев сайтов нет надежды на снятие запрета с ресурсов; у молодых людей, склонных к экстремизму, ожидания негативного отношения со стороны сверстников, родителей, учителей, администрации школ и отсутствие ожиданий теплого эмоционального отношения с чьей-либо стороны; наконец, у государства ожидание протестных акций и «цветных революций». В качестве общепризнанной тенденции специалистами отмечается, что для экстремистского сознания в целом характерны эсхатологизм, негативный взгляд в будущее, ожидание катастрофы, подозрительность и недоверие к любым позитивным изменениям в обществе.

6. Оппозиция «пренебрежение/забота». Семантическое поле: (пренебрежение | пренебрегать | пренебрег | невнимание | игнорирование); количество web-страниц: 299 000. Семантическое поле: (заботиться | озабоченность | позаботился | забота | заботливо); количество web-страниц: 840 000.

В связи с семантикой понятий «пренебрежение», «неуважение», «неприязнь», «презрение» встает вопрос о том, стоит ли признать равнозначной альтернативой понятие «ненависть». Дело в том, что деятельность экстремистов и экстремистская идеология с огромной частотностью интерпретируются через указания на разного рода пренебрежение: «пренебрежение человеческой жизнью», «пренебрежение чужими страданиями», «пренебрежение к другой национальности или расе», «пренебрежение к правовым нормам», «пренебрежение и презрение ко всем иным, кроме своих», «пренебреже-

ние законами России», «пренебрежение моралью», «пренебрежение к духовным ценностям», «пренебрежения (неуважение, презрение) к религиозным святыням», «неуважение (презрение) к власти и неприязнь к её представителям» и т. п. В перечисленных устойчивых словосочетаниях слова «пренебрежение», «неуважение», «неприязнь», «презрение» с большой частотностью синонимически взаимозаменяются. Несмотря на это, проявления пренебрежения, презрения или демонстративного неуважения, неприязни к чему-либо, сами по себе не являются причиной или признаком экстремизма и не ведут к преступлениям на почве ненависти. Они, скорее, должны толковаться как поведенческо-характерологическое последствие, чем как характерный признак экстремизма, поскольку спорадическое проявление разного рода пренебрежения и неуважения, даже к близким людям и важным ценностям, в разной степени выраженности присуще большинству людей. Специфическим аспектом для молодежной тематики является упоминание пренебрежения подростков и молодых людей к предостережениям посещения и распространения в сети экстремистской информации (песни, картинки, тексты), а также пренебрежение ограничением доступа к запрещенным сайтам. Поколения, выросшие в информационном обществе и с детства погруженные в интернет-среду, не в состоянии применить концепцию ограничений и запретов по отношению к информации, т. к. любая информация для них и манипуляции с ней всегда была легкодоступными. Стремление привнести в новую информационную среду принципы и правила, сформировавшиеся до эпохи Интернета, отражают во многом конфликт поколений, хотя не исчерпываются им. Конфликт идеи свободы и идеи контроля здесь не менее важен, однако он также связан с вечным стремлением младших поколений освободиться от контроля старших. Забота о предупреждении развития экстремизма среди детей и молодежи возлагается на множество акторов: международное сообщество, государство, спецслужбы, родителей, школу, вузы. Сама молодежь подразумевается в качестве пассивного внушаемого объекта манипуляции сознанием, который нужно «воспитывать», а также «мониторить» и «регулировать». Насколько непродуктивен такой подход, не предусматривающий двустороннего диалога, показывает тот факт, что проблема молодежного экстремизма со временем не уменьшается, а усиливается, несмотря на увеличивающийся масштаб традиционных профилактических мероприятий.

7. Опозиция «горе/радость». Семантическое поле: (горе | скорбь | горесть | печаль | огорчился); количество web-страниц: 555 000. Семантическое поле: (радость | ликование | радостный | радовались); количество web-страниц: 552 000.

Эмоции горя или скорби по жертвам, на первый взгляд, более релевантны тематике экстремизма, чем радость. Однако в сети эти два противоположных понятия, встречающиеся примерно с одинаковой частотой в контексте экстремистской тематики. Это объясняется тем, что в подавляющем большинстве текстов всех жанров, посвященных экстремизму, в центре внимания находятся главным образом реальные или потенциальные экстремисты и их эмоции. Их жертвы не становятся предметом активного анализа. Только формально и ситуационно в официальных сообщениях может упоминаться «горе родных и близких» или «общая скорбь и трагедия для всех россиян». Психологическая работа с жертвами – это работа с последствиями, в то время как проблематика профилактики экстремизма – это работа с причинами и составляющими признаками экстремизма. Эмоции горя и скорби в такие признаки и причины не входят, за исключением попыток объяснить или оправдать действия экстремистов горем от гибели родственников в региональных конфликтах. Идеологический контекст эмоций печали, горя и скорби связан с использованием их для сплочения и объединения населения вокруг власти посредством чувства ужаса и негодования перед терактами или иными акциями

экстремистов. В таких случаях используются риторические конструкции типа «нас объединяет не только ужас и печаль, но и решительность», «необходимо сплотиться для противостояния...», «атака экстремистов не останется безнаказанной» и т. п. Чувство радости само по себе не релевантно тематике экстремизма. Тем не менее оно может упоминаться в СМИ и публицистике в контексте «извращенной радости» от гибели или унижения людей, испытываемого со стороны экстремистски настроенных групп населения. Кроме того, может упоминаться «ликование» в ультраправой или ультралевой среде по поводу освобождения или оправдания соратников. В иных контекстах фразы со словами, синонимичными «радости», не имеют прямого отношения к понятию «экстремизм», даже если встречаются с ним в одном тексте.

8. Оппозиция «предательство/верность». Семантическое поле: (предательство | предательский | предатель); количество web-страниц: 685 000. Семантическое поле: (верность | преданность | «остался верен»); количество web-страниц: 415 000.

Концепт и мотивацию осуждения предательства оценивались по двум параметрам: 1) кто или что считается субъектом предательства (кого называли предателями); 2) кто или что считается объектом предательства (кто может считаться преданным). Источником упоминаний или мнений о предательстве могут быть либо те, кто осуждает экстремизм, независимо от того, что при этом понимается под экстремизмом, либо те, кого относят к экстремистам авторы текстов. Если субъект и объект предательства совпадают в одной экстремистской группе, речь обычно идет о бывших «соратниках», заподозренных в предательстве и понесших наказание. Страх стать предателем сплачивает членов экстремистской группы не только из-за мотивации защиты и от расправы, то есть потребностью в безопасности (жестокость к предателю, больше чем к врагу), но также из мнимого благородства и нежелания стать доносчиком и сотрудничать с органами правопорядка. Концепт «верность» встречается в контексте экстремизма немного реже «предательства». Тем не менее во множестве текстов подчеркивается «исключительная преданность» экстремистов своей группе или организации. Журналисты используют по отношению к членам экстремистских и террористических групп устойчивую характеристику «присягнули на верность». При этом неявно предполагается, что готовность рисковать тождественно верности и преданности. Такие характеристики невольно конструируют романтический образ благородных, преданных своему делу и своим идеалам людей, способных вдохновить тех молодых людей, которые не находят таких образцов в реальной окружающей их обыденности. Взаимные обвинения идеологии правопорядка и экстремистской идеологии во лжи и подмене понятий способны взаимно нейтрализовать друг друга лишь логически и теоретически, на практике в психологии людей, призывающих к насилию или сочувствующим таким призывам, концепты «верности» и «предательства» могут противопоставляться чаще всего в отношении собственной группы единомышленников.

9. Оппозиция «риск/осторожность». Семантическое поле: (риск | рисковать | рискованный); количество web-страниц: 821 000. Семантическое поле: (осторожность | осмотрительность | осторожные); количество web-страниц: 150 000.

В ситуации всеобщей интернетизации концепт «риск» приобрел расширительное толкование. Появились даже новые понятия: «рискованный перепост», «рискованное посещение запрещенного сайта» и «рискованный комментарий в соцсети». Молодому человеку для ощущения атмосферы риска и авантюры сейчас не нужно даже вставать из-за стола или отрываться от смартфона. В текстах о молодежном экстремизме подобная «смелость и отвага», как правило, характеризуются как «мнимые». Когда молодые люди размещают на страницах соцсетей материалы с призывами избивать или убивать,

делить на «своих» и «чужих», они не знают меры ответственности, не осознают свои действия как поступок с уголовными последствиями. При описании случаев судебных процессов в таких ситуациях говорится уже не о смелости, а об испуге. Иной контекст связан с оценкой рисков. Имеются в виду «риски терактов», «риски локальных или широкомасштабных насильственных действий» по этническому, политическому или профессиональному признакам, «риски развития ксенофобских установок и их поведенческих проявлений» у подростков и молодежи, «риски попадания школьников и студентов под влияние пропаганды экстремистов». Находясь в начале жизненного пути, молодые люди всегда балансируют на грани социальной исключительности, они сильнее всех остальных социальных групп склонны самоопределяться через нелегальные способы реализации жизненных целей. В любом возрасте в сознании могут смешаться понятия протеста и справедливости, патриотизма и ненависти ко всем «не нашим», улучшения мира и поиска виноватых, именно молодежь традиционно и обоснованно считается главной группой риска. Логически связанные с концептом риска призывы к осторожности направлены обычно к потенциальным жертвам экстремистских идей или к невольным их распространителям. Призывы проявлять «осмотрительность и аккуратность» адресованы к журналистам, готовящим материалы в СМИ по этнической проблематике. Призывы проявлять «гражданскую бдительность» и «родительскую чуткость» адресованы к родителям, от которых ожидается отслеживание и контроль интернет-активности и культурного развития подростков. Считается, что действия и тех, и других при недостаточной осторожности могут привести к ещё большей радикализации.

10. Оппозиция «зависть/благотворительность». Семантическое поле: (зависть | завидовал | завистники | завистливый | завидующий); количество web-страниц: 317 000. Семантическое поле: (благотворительность | благотворительный | филантропия | филантропический | пожертвования); количество web-страниц: 582 000.

Бытовая зависть к богатым, обвинение в «нечестно нажитом», «незаслуженном» богатстве традиционно стимулируют желание навредить более успешным и влиятельным группам со стороны экономически незащищенных и психологически травмированных социальных групп. Однако ошибочным и бесполезным будет толкование подобных социальных конфликтов как бессмысленных выступлений «недовольных крикунов и озлобившихся завистников». Подобные конфликты обусловлены неразвитостью институтов свободной конкуренции, социальных лифтов и самоуправления на уровне коммунальных сообществ. Именно из-за этих проблем потенциал экстремизма поддерживается у людей, склонных видеть виновников во всех своих трудностях и неудачах тех, кто, по их мнению, обладает властью и богатством и не дает никаких шансов преуспеть остальным. Такая же логика распространяется и на этнических мигрантов-бизнесменов или даже чернорабочих, которые, по мнению местных молодых людей, составляют им конкуренцию и не дают хорошо заработать. Противоположный концепту «зависти» концепт «благотворительности» в контексте экстремизма упоминается только как «сомнительная благотворительность». Упоминается «сомнительная благотворительность» по отношению к экстремистским группировкам и «преступные сборы пожертвований» на нужды запрещенных террористических организаций. В этих ситуациях мотив благотворительности напрямую способствуют экстремизму, так как добровольные пожертвования составляют важную часть финансирования деятельности радикальных групп. Благотворительность может исходить и от самих лиц и организаций экстремистской направленности, особенно религиозных. Тогда мотивация благотворительности обусловлена мотивацией привлечения и закрепления новых членов или

сочувствующих. В целом экстремистская и террористическая идеология может апеллировать не только к негативным и деструктивным чувствам (гнев, обида, месть, разочарование), но и к позитивным и благотворным в нормальной ситуации (благотворительность и помощь бедным, защита слабых и обиженных, духовные ценности в широком смысле).

11. Оппозиция «расточительность/бережливость». Семантическое поле: (расточительность | расточительство | растрата | бесполезные траты); количество web-страниц: 35 000. Семантическое поле: (бережливость | бережливый | экономить | экономный | экономность); количество web-страниц: 808 000.

В текстах, посвященных экстремистским аспектам распространения ислама, упоминается осуждение в шариате расточительства имущества и расходованию своего состояния на «греховном пути». Здесь важно, что вполне рациональный и благотворный призыв избегать расточительства может использоваться как один из способов контроля поведения человека, завоевания его доверия и в итоге подчинения, деструктивным целям, в которых он был изначально, возможно, не заинтересован. В то же время если в экстремизме обвиняется должностное лицо или бизнесмен, то к этому часто присовокупляются обвинения в растрате в крупном и особо крупном размере. Таким образом, предостережения от расточительства или обвинения в нем, могут исходить от всех социально-политических агентов, связанных феноменом экстремизма. Например, мотив «расточительства в ущерб народу» может быть связан с экстремистскими угрозами в адрес РПЦ. От призывов «хватит тратить деньги на бесполезные храмы, пора тратить их на социалку» весьма прост переход к призывам напрямую вредить священникам, делая их виновными в экономических и социальных трудностях в глазах сочувствующих подобным лозунгам. Если мотивация бережливости относится к тем, кто борется с экстремизмом, то речь идет обычно об экономии бюджетных ассигнований по исполнению целевых программ типа «Профилактика экстремизма», «Гармонизация межэтнических и межкультурных отношений», «Укрепление толерантности», «Патриотическое воспитание» и пр. Тема экономии бюджетных средств связана также с обвинениями в том, что различные «Центры по борьбе с экстремизмом» – это неэкономный способ траты средств, которые можно было бы пустить на различные городские и муниципальные нужды. Эта же тема логически связана с противоположным бережливости мотивом расточительства, когда в оппозиционных СМИ и соцсетях речь идет о «бесполезной трате времени и народных денег на мнимую борьбу с экстремизмом». В этом же контексте в СМИ и соцсетях задаются вопросы относительно целесообразности огромных трат на агитационные материалы по защите от терроризма или рамки металлоискателей на входе в общественные места. В последнее десятилетие появилось специфическое понятие «потребительский экстремизм». Оно означает навязчивое желание доказать, что клиент всегда прав, и агрессивное нежелание платить по счетам. Изначальная мотивация экономии личного или семейного бюджета при этом может перерасти в призывы к актам насилия по отношению к «обидчикам», ко всем группам, которые прямо или косвенно причастны к требованиям заплатить.

12. Оппозиция «неблагодарность/благодарность». Семантическое поле: (неблагодарность | неблагодарный | «не отблагодарил» | «не отблагодарили»); количество web-страниц: 26 800. Семантическое поле: (благодарить | благодарный | благодарность); количество web-страниц: 583 000.

При упоминании неблагодарности в контексте экстремизма чаще всего упоминается неблагодарность сепаратистских сил в республиках бывшего СССР или антироссийских сил в странах бывшего соцлагеря. Здесь подразумевается, прежде всего, исто-

рическая память о прежней дружбе, взаимопомощи, совместной борьбе с фашизмом. Неоправдавшиеся надежды на лояльность бывших союзников и союзных республик, неготовность к агрессивной русофобии с их стороны обусловлены методологически ошибочным ожиданием, что историческое сознание новых поколений будет содержать те же оценки и «места памяти», что и сознание предшествующих поколений. В новых политических и культурных условиях неизбежно происходят переформатирование исторического сознания, ревизия исторической памяти и смена полюсов лояльности и враждебности. Кризисы национальной и исторической идентичности – это фактор усиления различных форм радикализма и экстремизма. Мотивы благодарности и признательности в связи с противодействием экстремизму и терроризму исходят, как правило, от различных организаций, учебных заведений и коллективов. Они обращены к различным фондам, центрам и оргкомитетам просветительских и обучающих мероприятий. В таких случаях выражение благодарности носит формально-официальный характер и легитимизирует сам институт профилактики экстремизма как востребованной формы деятельности. Благодарность может также быть и ответной, исходящей от самих структур и центров по борьбе с экстремизмом. Это будет благодарность за «активную гражданскую позицию», «бдительность», «неравнодушие» и т. д. В этом случае благодарность будет стимулом к продолжению определенной деятельности, непосредственной связанной с поиском и пресечением, того, что замотивированные участники будут считать экстремизмом. Такая взаимосвязь может реализоваться, например, в прецедентах назначении награды за нахождение в Интернете информации с признаками экстремизма и донесения об этом в правоохранительные органы. Более редкой и специфической ситуацией выражения благодарности является благодарность со стороны обвиняемых в экстремизме суду за вынесение оправдательного приговора. Можно предположить, что в этом случае чувство признательности уменьшает потенциал экстремизма и смягчает напряжение конфликта.

13. Оппозиция «покорность/честолюбие». Семантическое поле: (покорность | покорный | повиновение | повиноваться); количество web-страниц: 105 000. Семантическое поле: (властвовать | подчинил | властолюбие | повелевать | честолюбие | амбиции); количество web-страниц: 277 000.

В текстах как экстремистского, так и антиэкстремистского содержания в связи с исламским фундаментализмом и терроризмом часто встречается отсылка к тому, что покорность – один из столпов ислама (в переводе с арабского слово «ислам» означает «покорность»). Этот культурно-исторический и религиоведческий факт показывает характерную для любых экстремистских групп двойственность и инверсивность мотива покорности: покорность ко всему своему и внутреннему и непокорность ко всему чужому и внешнему. Такая двойственность естественна для любых организованных групп, где требуется дисциплина и сплоченная деятельность, например корпоративная лояльность служащих явление того же порядка. Однако в экстремистских сообществах данная двойственность приобретает наиболее крайний и жесткий характер, вплоть до физического наказания отступников в качестве мести. Культивирование слепого безоговорочного повиновения, если и не является само по себе признаком экстремизма, то может считаться необходимым условием формирования экстремистской идеологии и подготовки экстремистской деятельности, а отчасти и косвенным признаком, достаточным для подозрений в наличии экстремистской составляющей в каких-либо сообществах. Здесь есть схожесть с концептом «верность», но всё же непокорность и неповиновение лидерам группы могут проявляться при сохранении верности идеалам и целям группы. В любом обществе всегда сохраняется определенная доля амбициозных и не-

редко способных люди, которым не удалось удовлетворить свое честолюбие. Для них участие в экстремистской деятельности могут стать самореализацией, доказательством своей значимости. При этом мотив самореализации всегда смешивается и взаимодействует с другими мотивами, в том числе деструктивными: зависть к более успешным, разочарование в своих мечтах, отчаяние от непризнания обществом, месть за неудачи. Здесь срабатывает психологический механизм проекции – бессознательного переноса ранее пережитых своих чувств и отношений, проявлявшихся к одному лицу, совсем на другие лица.

14. Опозиция «предвзятость/беспристрастность». Семантическое поле: (предвзятость | предубеждение | тенденциозность | пристрастность | субъективность | необъективность); количество web-страниц: 28 200. Семантическое поле: (беспристрастность | непредвзятость | объективность | беспристрастие | непредубежденность); количество web-страниц: 347 000.

Само понятие «предубеждение» может входить как одно из составляющих в определение понятия «экстремизм», так как предубеждение – это враждебное или негативное отношение к группе людей, в том числе, предвзятое отношение к приверженцам различных религиозных ориентаций, расовые и этнические фобии. Сюда же относится мигрантофобия – дискриминация беженцев, ведущая к экстремистским действиям как с их стороны, так и по отношению к ним. Представители различных национальных меньшинств и народностей часто жалуются в СМИ и соцсетях на некомпетентность или предвзятость журналистов по отношению к ним при освещении событий и проблем, связанных с экстремизмом. Критики использования темы экстремизма в качестве конъюнктурного способа извлечения выгоды говорят о беспредметности, неопределенности и крайней субъективности термина «экстремизм», весьма уязвимо для любого предвзятого использования. Необъективность в освещении событий, когда СМИ принимает точку зрения одной из сторон конфликта, демонстрирует, что предвзятость сама по себе может стать как причиной экстремистских действий, так и реакцией на них или их угрозу. Не исключены ситуации, когда объективность и непредвзятость в освещении событий, когда какое-либо СМИ или эксперт не принимают точку зрения ни одной из сторон конфликта (например, этнического или идеологического) и пытаются понять глубинную суть проблемы, вызывает еще большее раздражение и чувство несправедливости противостоящих сторон, именно потому что они ожидали поддержки и обманулись в своих надеждах [14–16].

Обсуждение и выводы

Цель любой экстремистской деятельности, провозглашаемая открыто, – это дестабилизация, делигитимизация, а затем разрушение существующих экономических и государственных структур посредством актов гражданского неповиновения. Наиболее вероятно вдохновить такими целями именно молодежь, которая в большинстве своем ещё не успела социализироваться настолько, чтобы самим стать частью устоявшихся общественных институтов и государственных организаций [17, 18].

Анализ семантического поля Рунета позволил сделать следующие выводы:

1. Экстремизм может проявляться в четырех базовых формах: идея или идеология, организация или самоорганизующаяся группа, намерение или настроение, действие или акция. Все эти четыре формы могут быть в разной степени экстремистскими.

2. Важным является решение следующего комплекса проблем: насколько может повлиять сетевая активность отдельного человека на общественное сознание, насколько реальную и большую опасность представляет собой молодежный экстремизм, явля-

ется ли он неизбежным стихийным, но обратимым явлением в смене поколений с непременным и естественным желанием скорейших перемен молодыми, пока они не стали зрелыми

3. Жесткие меры по борьбе с молодежным экстремизмом приведут в итоге к его усилению. Но не исключено, что к таким же последствиям приведет преуменьшение проблемы и снисходительное отношение к радикальному энтузиазму в стремлении изменить мир.

4. Любое усиление давления на молодежь имеет нелинейный характер, любая избыточность может привести к обратному эффекту. Вместо предотвращения настоящей опасности экспертное сообщество и общественное мнение может обратиться к абсурдным неадекватным способам решения этих задач.

5. Активная актуализация и расширенное толкование понятия «экстремизм» привело к проникновению его в такие сферы культуры и образования, в которых это является однозначно неадекватным. Тем не менее эти процессы деформируют историческое сознание и коллективные представления о современности.

6. С одной стороны, наблюдается сомнение в целесообразности и эффективности государственных мероприятий по борьбе с экстремизмом, проявляющееся в их ироническом и сатирическом осмыслении. С другой стороны, наблюдается некоторый выход из-под контроля стихийного распространения концепта «экстремизм», экспансия его во все сферы жизнедеятельности, в том числе в абсолютно не релевантные исходному социально-психологическому и юридическому смыслу понятия «экстремизм».

7. Модернизация исторического прошлого препятствует корректному пониманию особенностей работы с молодежью в текущей исторической ситуации по сравнению с предшествующими периодами отечественной истории.

8. В текущей исторической ситуации действует иной набор факторов. Современная профилактика экстремизма предполагает направленность на молодежь, которая характеризуется следующими признаками: 1) имеет неограниченный доступ к любой информации; 2) не может или не собирается эмигрировать, или, эмигрировав, может сохранять постоянную прямую связь с соотечественниками; 3) не имеет желаний трудоустроиться на плохо оплачиваемые рабочие места с тяжелыми физическими условиями труда; 4) одна её часть отрицает в принципе военную карьеру и армию, другая – готова становиться военными наемниками, но затем не способна возвратиться к нормальной мирной жизни; 5) не настроена рано заводить семью и погружаться в бытовые проблемы в ущерб саморазвитию и развлечениям.

9. Основываясь на всём предшествующем анализе концептов и мотиваций, предполагаем, что в такой культурно-демографической ситуации экстремистские настроения будут присутствовать как неизбежная производная. Можно только затормозить их распространение до тех пор, пока смена поколений не приведет к новой исторической ситуации, параметры которой мы не можем уверенно предвосхитить.

10. Выработка модели комплексного понимания мотивационно-психологических тенденций в молодежной среде в текущей исторической ситуации имеет ключевое значение для профилактики экстремизма. Осуществленный в нашем исследовании анализ концептов, связанных с экстремизмом, преследовал именно эту цель.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-013-01116 А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Структурно-содержательные характеристики концепта молодежного экстремизма в семантическом пространстве Рунета. Часть I / Мещерякова Э.И., Бочаров А.В., Ларионова А.В., Орлова В.В. // Вестник науки Сибири. – 2018. – № 4 (31). – С. 44–53. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1742> (дата обращения 11.06.2018).
2. Зиядова Д.З. Детерминанты молодежного экстремизма: региональный аспект // Пробелы в Российском законодательстве. – 2010. – № 3. – С. 149–151.
3. Кубякин Е.О. Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – Т. 30. – № 3. – С. 199–204.
4. Transitional Journeys into and out of Extremism. A Biographical Approach / S. Sieckelinck, E. Sikkens, M. Van San, S. Kotnis, M. de Winter // Studies in Conflict and Terrorism. – 2017. – P. 1–21. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1407075
5. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure / M. Costello, J. Hawdon, T. Ratliff, T. Grantham // Computers in Human Behavior. – 2016. – № 63. – P. 311–320.
6. Безносков Д.С., Почебут Л.Г. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 1. – С. 287–299.
7. Инсарова Н.Г. Факторы личности и среды при формировании экстремистских установок у молодежи // Психологическая наука и образование. – 2014. – № 1. – С. 77–84.
8. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. – М.: Логос, 2010. – 288 с.
9. Webber D., Kruglanski A.W. The social psychological makings of a terrorist // Current Opinion in Psychology. – 2018. – № 19. – P. 131–134.
10. Scrivens R., Davies G., Frank R. Searching for signs of extremism on the web: an introduction to Sentiment-based Identification of Radical Authors // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2018. – № 10 (1). – P. 39–59.
11. Мещерякова Э.И., Бочаров А.В. Контент-анализ взаимосвязей культурно-средовых идеологических факторов с понятием «экстремизм» в информационном поле Рунета // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 389. – С. 211–216. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1127&article_id=33979 (дата обращения 12.11.2018).
12. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций / ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – М.: ЧеРо: Омега-Л: МПСИ, 2006. – С. 57–79.
13. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – № 2. – С. 3–18. URL: http://msupsy.ru/pdf/vestnik_2016_2/vestnik_2016-2_03-18.pdf (дата обращения 12.11.2018).
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2003. – 250 с.
16. Седых Н.С. Медиадискурс о терроризме в контексте информационно-психологических угроз современности // Психолог. – 2015. – № 5. – С. 96–127.
17. Правовые, психологические и образовательные средства противодействия экстремизму и терроризму в условиях глобализации: методические рекомендации / под ред. Т.Ф. Масловой, Е.Л. Тиньковой, С.В. Бобрышова, Л.А. Трониной. – Ставрополь: ГБОУ ВО СГПИ, 2016. – 130 с.
18. Юдина И.А., Кудрин В.С. Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения. – Кемерово, Изд-во КемГИК, 2016. – 160 с.

Поступила: 05.01.2019 г.

UDC 811:161.1'373.47:316.624.3-053.6:004.738.5

STRUCTURAL AND CONTENT CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF YOUTH EXTREMISM IN THE SEMANTIC SPACE OF RUNET. PART II**Alexey V. Bocharov¹,**
bav346@rambler.ru**Emma I. Mescheryakova¹,**
mei22@mail.ru**Vera V. Orlova²,**
orlova_vv@mail.ru¹ National Research Tomsk State University,
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
40, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.**Alexey V. Bocharov**, Cand. Sc., associate professor, National Research Tomsk State University.**Emma I. Mescheryakova**, Dr. Sc., professor, National Research Tomsk State University.**Vera V. Orlova**, Dr. Sc., professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

*The article is devoted to the problems of psychology of youth extremism in modern society. It is a continuation of the author's analysis on this issue. **The object** of the research is the concept of youth extremism, **the subject** is its structural and informative characteristics. **The aim** of the study is to identify and systematize the structural and informative characteristics of the concept of youth extremism, reflected in the Russian-language Internet resources available for indexing by search engines. The presented research model is characterized by an interdisciplinary approach consisting in productive eclecticism of interpenetration and mutual agreement of the a priori postulates of various disciplinary models – general psychological theory of subjectivity and the theory of personality, cultural and linguistic models. **The research methodology** consists in a frequency-thematic analysis of the conjugacy of the term «extremism» with the results of discursive practices presented in the Runet. The paper introduces **the results** of the analysis of emotional-axiological semantic concepts in the context of the display of youth extremism in the information field of the Runet. As a result of a psycholinguistic experiment analyzing the discursive practices of youth extremism, 14 axiological (evaluative) oppositions were revealed as semantic concepts in the informational field of Runet, which allow displaying the cultural and ideological background of interpretations of extremism by various actors. Through an analysis of discursive practices indirectly the authors have identified the trends, determinants and factors in formation of extremist attitudes of youth. The results can serve as the basis for development of socio-psychological and educational means of counteracting youth extremism in the conditions of progress of information and computer technologies.*

Key words: Youth extremism, concept construct, semantic space, Internet, discursive practices.**REFERENCES**

1. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V., Orlova V.V. Structural and content characteristics of the concept of youth extremism in the semantic space of Runet. Part I. *Siberian Journal of Science*, 2018, no. 4 (31), pp. 44–53. Available at: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/1742> (accessed 11 June 2018). In Rus.
2. Ziyadova D.Z. Determinanty molodezhnogo ekstremizma: regionalny aspekt [Determinants of youth extremism: a regional aspect]. *Probely v Rossiyskom zakonodatelstve*, 2010, no. 3, pp. 149–151.

3. Kubyakin E.O. Tendentsii razvitiya molodezhnogo ekstremizma v usloviyakh progressa informatsionno-kompyuternykh tekhnologiy [Trends in development of youth extremism in the conditions of progress of information and computer technologies]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, vol. 30, no. 3, pp. 199–204.
4. Sieckelinc S., Sikkens E., Van San M., Kotnis S., De Winter M. Transitional Journeys into and out of Extremism. A Biographical Approach. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2017, pp. 1–21. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1407075
5. Costello M., Hawdon J., Ratliff T., Grantham T. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 63, pp. 311–320.
6. Beznosov D.S., Pochebut L.G. Psikhologicheskie aspekty ekstremizma i terrorizma [Psychological aspects of extremism and terrorism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2010, no. 1, pp. 287–299.
7. Insarova N.G. Faktory lichnosti i sredi pri formirovaniy ekstremistskikh ustanovok u molodezhi [Personality and environment factors in formation of extremist attitudes among young people]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2014, no. 1, pp. 77–84.
8. Antonyan Yu.M. *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its causes]. Moscow, Logos Publ., 2010. 288 p.
9. Webber D., Kruglanski A.W. The social psychological makings of a terrorist. *Current Opinion in Psychology*, 2018, no. 19, pp. 131–134.
10. Scrivens R., Davies G., Frank R. Searching for signs of extremism on the web: an introduction to Sentiment-based Identification of Radical Authors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2018, no. 10 (1), pp. 39–59.
11. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V. Kontent-analiz vzaimosvyazey kulturno-sredovykh ideologicheskikh faktorov s ponyatiem «ekstremizm» v informatsionnom pole Runeta [Content analysis of the relationship of cultural and environmental ideological factors with the concept of «extremism» in the information field of the Runet]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 389, pp. 211–216. Available at: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1127&article_id=33979 (accessed 12 November 2018). In Rus.
12. Leontev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii [Needs, motives and emotions]. *Psikhologiya motivatsii i emotsiy*. Eds. Yu.B. Gippenreiter, M.V. Falikman. Moscow, Chero, Omega-L, MPSI Publ., 2006. pp. 57–79.
13. Leontev D.A. Ponyatie motiva u A.N. Leonteva i problema kachestva motivatsii [The concept of motive in A.N. Leonteva and the problem of quality of motivation]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2016, no. 2, pp. 3–18. Available at: http://msupsyj.ru/pdf/vestnik_2016_2/vestnik_2016-2_03-18.pdf (accessed 12 November 2018). In Rus.
14. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
15. Popova Z.D., Sternin I.A. *Semantiko-kognitivny analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 250 p.
16. Sedykh N.S. Mediadiskurs o terrorizme v kontekste informatsionno-psikhologicheskikh ugroz sovremennosti [Media discourse on terrorism in the context of modern informational and psychological threats]. *Psikholog*, 2015, no. 5, pp. 96–127. Available at: http://e-notabene.ru/psp/article_15940.html (accessed 12 November 2018). In Rus.
17. *Pravovye, psikhologicheskie i obrazovatelnye sredstva protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu v usloviyakh globalizatsii: metodicheskie rekomendatsii* [Legal, psychological and educational means of countering extremism and terrorism in the context of globalization: guidelines]. Eds. T.F. Maslova, E.L. Tinkova, S.V. Bobryshov, L.A. Tronina. Stavropol, GBOU VO SGPI Publ., 2016. 130 p.
18. Yudina I.A., Kudrin V.S. *Molodezhny ekstremizm: prichiny vozniknoveniya, tekhnologii preduprezhdeniya* [Youth extremism: causes, technologies of warning]. Kemerovo, KemGIK Publ., 2016, 160 p.

Received: 5 January 2019.